

Д.А. Мамонтова*

ОСВЕЩЕНИЕ ИДЕИ ТРУДОВОГО ПЕРЕВОСПИТАНИЯ ПРЕСТУПНИКОВ В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (ЖУРНАЛ «ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ» И ГАЗЕТА «СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ») В 1922 И 1928 ГОДАХdoi:10.31518/2618-9100-2023-1-9
УДК 94(47)+343.823+343.244.24

Выходные данные для цитирования:
Мамонтова Д.А. Освещение идеи трудового перевоспитания преступников в советской периодической печати (журнал «Еженедельник советской юстиции» и газета «Советская Сибирь») в 1922 и 1928 годах // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 116–128. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-09.pdf>

D.A. Mamontova*

REPRESENTATION OF THE IDEA OF LABOR RE-EDUCATION OF THE CRIMINALS IN THE SOVIET PERIODICALS (MAGAZINE “EZHENEDELNIK SOVETSKOY YUSTITSII” AND PAPER “SOVETSKAYA SIBIR”) IN 1922 AND 1928

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-9

How to cite:
Mamontova D.A. Representation of the Idea of Labor Re-Education of the Criminals in the Soviet Periodicals (Magazine “Ezhenedelnik Sovetskoy Yustitsii” and Paper “Sovetskaya Sibir”) in 1922 and 1928 // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 116–128. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-09.pdf>]

Abstract. The paper is devoted to the study of the practice of the representation of the idea of prisoners' labor as a mean of their re-education in the Soviet periodicals of the 1920s. This concept was crucial for the Soviet penal policy that was reflected in legislative acts. Until 1924 it was regulated by the decree of VTsIK, dated 17 May 1919, “On the forced labor camps” and the decree of the RSFSR People's Commissariat for Justice, dated 15 November 1920, “The Regulations on general detention places”. In 1924 the Corrective-Labor Code of 1924 became the fundamental document in this sphere. In addition to the legislative support of the Soviet penal policy and its labor concept the process of their ideological justification occurred. Based on the materials of two periodicals which are magazine “Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii” (Eng. The Weekly of Soviet Justice) and paper “Sovetskaya Sibir” (Eng. The Soviet Siberia) the author analyzes the process of the representation of the crucial idea of the Soviet penal policy among the actors within justice and the general population in the beginning and at the end of the 1920s. Study shows that the difference of the target audience of the chosen periodicals didn't influence the way of the representation of the idea of labor re-education. In 1922, when the general framework of Soviet legislation including the penitentiary was developed this concept was promoted as an advantage of Soviet penal system in comparison with pre-revolutionary and foreigners'. That allowed presenting it in a positive context even though there were some problems with its implementation (dismal resource base of the prisons, inability to provide work to all prisoners, competition with people who had no previous convictions). By the end of the 1920s these problems weren't solved that led to the appearance of the critical discourse representation of this concept in the Soviet periodicals. In comparison with the way how it was represented among the general population which was less critical the representation among the actors within justice was much more realistic.

Keywords: sphere of labor, forced labor, penal policy, periodicals, Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii (The Weekly of Soviet Justice), Sovetskaya Sibir' (The Soviet Siberia).

* **Дарья Андреевна Мамонтова**, аспирант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: d.mamontova@g.nsu.ru

Darya Andreevna Mamontova, Postgraduate Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: d.mamontova@g.nsu.ru

The article has been received by the editor on 05.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению практики освещения идеи труда осужденных как средства их исправления в советской периодической печати 1920-х гг. Данный принцип являлся ключевым для советской пенитенциарной политики, нашедший свое отражение в законодательно-нормативных актах. До 1924 г. к ним относились декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17.05.1919 и Постановление НКЮ РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15.11.1920. В 1924 г. основополагающим документом в данной сфере стал Исправительно-трудовой кодекс (ИТК 1924 г.). Кроме законодательного оформления самой советской пенитенциарной политики и ее трудового принципа, параллельно происходил процесс их идеологического обоснования. На материалах двух периодических изданий – журнала «Еженедельник советской юстиции» и газеты «Советская Сибирь» – рассматривается в динамике осуществление процесса презентации центральной идеи советской уголовно-исполнительной политики для деятелей юстиции и для широкой аудитории в целом в начале и конце 1920-х гг. Установлено, что, несмотря на различную целевую аудиторию выбранных изданий, освещение идеи трудового перевоспитания осужденных осуществлялось в общем заданном политикой направлении. В 1922 г., когда формировались общие основы советского законодательства, в том числе в пенитенциарной политике, данный принцип трактовался как преимущество советской уголовно-исполнительной системы в сравнении с дореволюционной и зарубежными практиками и отражался преимущественно с позитивных сторон, хотя его реализация на практике сталкивалась с трудностями (слабость ресурсной базы мест заключения, невозможность обеспечить всех трудоспособных осужденных работами, конкуренция с несудимым населением). К концу 1920-х гг. проблемы не были решены, что привело к появлению критического дискурса при освещении данного принципа в периодике. И если в общей периодике продолжалось отражение проблемы в доктринальном ключе, то в юридической среде практике трудового перевоспитания преступников давались преимущественно реалистические и критические оценки.

Ключевые слова: сфера труда, принудительный труд, пенитенциарная политика, периодическая печать, «Еженедельник советской юстиции», «Советская Сибирь».

Статья поступила в редакцию 05.11.2022 г.

Создание «новой» советской пенитенциарной системы тесно связывалось с идеей труда как средства исправления преступников. Впрочем, труд являлся важным элементом не только уголовно-исполнительной политики, но и основой раннесоветского государства в целом. Так, в Конституции РСФСР 1918 г. провозглашался лозунг «Не трудящийся да не ест» (ст. 18)¹, объявлявший труд на официальном уровне обязательным для всего населения страны. Принятый в этом же году первый советский Кодекс законов о труде (КЗоТ) легализовал и регламентировал принудительный труд, провозгласил трудовую повинность².

В 1922 г. был разработан и принят принципиально новый в своей основе КЗоТ, просуществовавший в данной редакции с определенными внесенными в него изменениями вплоть до 1971 г. Главным его отличием от предыдущего издания 1918 г. стала отмена всеобщей

---

¹ Конституция РСФСР 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 28.11.2022).

² Красильников С.А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1030.

трудовой повинности. Работы, предоставляемые населению РСФСР, обозначались теперь как «вольнорабочие» (ст. 5)³. Более сложным оказалось решение проблемы правовой определенности принудительного труда, который сохранил свой статус особенного, специфического, но практикуемого в отношении заключенных.

Несмотря на то, что мысль об исправительно-трудовом воздействии на заключенных крайне активно продвигалась учеными-пенитенциаристами в 1920-х – начале 1930-х гг.⁴, сама идея не являлась изобретением исключительно советского периода.

Принудительный труд находился в практической плоскости уже в позднеимперский период. Так, каторжные работы как один из видов наказания фигурировали в Уголовном Уложении 1903 г.⁵ Привлечение заключенных к работам упоминалось и в последнем нормативном акте имперской России, касающемся пенитенциарной политики, – Общей тюремной инструкции 1915 г. Среди целей организации работ при местах заключения обозначились следующие: 1) отвлечение осужденных от праздности; 2) приучение их к труду; 3) обучение полезным ремеслам; 4) предоставление заработка⁶.

В годы Гражданской войны требования исправительно-трудового воздействия на заключенных также фиксировались в законодательно-нормативных актах. К таким относились декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17.05.1919 (ст. 31)⁷ и Постановление НКЮ РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15.11.1920 г. (ст. 111)⁸. Кроме того, во втором документе обозначалась привязка к конституционной норме в виде пояснения, что труд является обязательным «для каждого гражданина РСФСР», в том числе и для заключенных.

В 1924 г. на второй сессии ВЦИК XI созыва был принят Исправительно-трудовой кодекс (ИТК) РСФСР, подводивший не только итог опыта уголовно-исполнительной политики в первые годы нэпа, но и ставивший существующую практику на правовую основу. Тем не менее уже на том раннем этапе действие Кодекса распространялось только на пенитенциарные учреждения в системе Главного управления мест заключения (ГУМЗ НКВД РСФСР), в то время как лагерно-тюремная система ОГПУ находилась вне его применения.

Особое внимание в ИТК 1924 г. уделялось вопросам средств исправления преступников, среди которых выделялись проведение культурно-образовательных мероприятий и организация трудовой деятельности. Построение рабочего процесса как самих заключенных, так и осужденных к принудительным работам без содержания под стражей основывалось на статьях КЗоТа (ст. 29, 57)⁹. По нему регламентировались продолжительность рабочего дня, условия применения сверхурочных работ¹⁰. Труд провозглашался обязательным для всех способных к нему заключенных (ст. 52). Работы делились на внутренние, проводящиеся в пределах места заключения, и внешние, проводящиеся вне его, которые в свою очередь делились на хозяйственные и производственные (ст. 60).

Особое место в ИТК 1924 г. отводилось организации принудительных работ без содержания под стражей. Так же как и труд в пенитенциарных учреждениях, его условия основывались

³ Кодекс законов о труде 1922 г. // Киселев И.Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование: учеб. пособие. М., 2001. С. 344.

⁴ См., например: Ширвиндт Е., Утевский Б. Советское пенитенциарное право. М., 1927. С. 24, 26; Утевский Б.С. Как советская власть исправляет преступников. М., 1930. С. 15–16.

⁵ Бердинских В.А., Веремьев В.И. Краткая история ГУЛАГа. М., 2018. С. 14.

⁶ Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития [Электронный ресурс]. СПб., 2004. URL: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/revolyutsionnoe-dvijenie-politicheskij-43847.html> (дата обращения: 28.11.2022).

⁷ Декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17.05.1919 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_458.htm (дата обращения: 28.11.2022).

⁸ Здесь и далее: Постановление НКЮ РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15.11.1920 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_772.htm (дата обращения: 28.11.2022).

⁹ Здесь и далее: Исправительно-трудовой кодекс 1924 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918–1960 [Электронный ресурс]. М., 2000. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 28.11.2022).

¹⁰ Красильников С.А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1032.

вались на статьях КЗоТа (ст. 29), однако с большим распространением на осужденных к этому виду работ норм трудового права¹¹. В частности, им полагался двухнедельный отпуск один раз в году (при непрерывной работе не менее 5 ½ месяцев) (ст. 37), а также отпуск по болезни и материнству (ст. 38).

Таким образом, первый советский ИТК основывался на соединении его установок с положениями КЗоТа, что в последующем «размывалось» и уходило из правоприменительной практики мест заключения.

Издание законодательства не было единственным шагом в сторону становления «новой» пенитенциарной системы. Наряду с этим проводилось ее идеологическое обоснование, в том числе идеи трудового воздействия на преступников, как среди деятелей юстиции, так и для населения в целом. Данное исследование ставит задачу выявления характеристик представления идеи о трудовом исправлении преступников в их динамике на основе анализа прессы в рубежные для пенитенциарной политики годы: 1922 г. как принятие нового Уголовного кодекса и 1928 г. как принятия решения об ужесточении пенитенциарной политики.

Реализация данной задачи осуществлялась за счет находящихся под контролем власти дискурсивных практик, с помощью которых формировался образ советской уголовно-исполнительной политики, в частности ее ключевой идеи об исправлении путем привлечения к трудовой деятельности. Под образом понимается формируемое в сознании читателей представление о чертах, присущих конкретной пенитенциарной политике.

При анализе данного аспекта были использованы такие методы исследования, как контент- и дискурс-анализ. Оба используются для обработки текстовых массивов: в первом случае – количественно, во втором – качественно.

Переосмысление роли языка и использование лингвистики сначала в антропологических исследованиях, а затем и в исторических началось в XX в., когда в гуманитарной сфере произошел «лингвистический поворот». Одним из основоположников данного подхода являлся Жак Деррида, французский философ и теоретик литературы. Особое внимание он уделял осознанию того, что язык не описывает мир, а создает его, задавая определенные принципы и границы мышления человека¹².

Его идеи переосмыслил литературовед Ролан Барт. По его мнению, каждый текст открыт для бесконечного числа интерпретаций¹³. В своей работе «S/Z» (1970), представляющей собой постструктуралистский анализ новеллы Бальзака «Сарразин», он выделяет в каждой «лексеме» (смысловой единице, обычно равной фразе или предложению) несколько видов символических кодов, отсылающих к той или иной сфере культуры¹⁴.

При таком определении язык довольно близок по значению к дискурсу, который больше связан с социальным, культурным, историческим или политическим контекстом, влияющим на тип коммуникации¹⁵. Данную проблематику широко разрабатывал Мишель Фуко, которого следует охарактеризовать как «историка дискурса». М. Фуко изучал различные маргинальные явления («История безумия в классическую эпоху» (1961), «Рождение клиники» (1963), «Надзирать и наказывать» (1975)), исследовал их генеалогию и показывал историю их конструирования, их искусственность и идеологизированность.

Дискурс для него – это то, что создано из совокупностей знаков. При этом дискурс – это не просто речь или текст, а текст вместе с социальной практикой, в ходе которой конкретно-исторический субъект, используя общественные институты, организации и учреждения, воздействуя на систему общественных отношений, изменяет общество и развивается сам. Помимо термина «дискурс», М. Фуко также оперировал термином «дискурсивные практики» – совокупность исторических правил, устанавливающих условия выполнения функций высказывания в данную эпоху и для данного социального, лингвистического, экономиче-

¹¹ Красильников С.А. Между правом и наказанием... С. 1033.

¹² Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М., 2011. С. 412.

¹³ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. С. 389–390.

¹⁴ Барт Р. S/Z. М., 2001. С. 44.

¹⁵ Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 21.

ского или географического пространства. Эти правила всегда являются определенными во времени и пространстве¹⁶.

Актуальность и необходимость обращения внимания на дискурсивные практики обуславливаются тем, что, по мнению Тён ван Дейка, нидерландского лингвиста, дискурс напрямую связан с властью, поскольку лишь у ограниченного количества людей есть возможность «говорить и писать то, что хотят, тогда, когда хотят, и тому, кому хотят»¹⁷. При изучении дискурса необходимо фокусироваться на характеристиках, которые ассоциируются с выражением, подтверждением, воспроизводством или вызовом социальной власти адресантов как членов доминирующих групп¹⁸. К таким можно отнести интонации, визуальные и аудиальные особенности (цвет, шрифт, музыка), синтаксические структуры (например, активный или пассивный залог), выбор лексики, речевых оборотов и пр.¹⁹ Сами по себе структуры дискурса нейтральны. Но в специфических коммуникативных ситуациях и в условиях специфической интерпретации дискурса они приобретают манипулятивные функции²⁰. Под манипуляцией подразумевается коммуникативная и интеракционная практика, в рамках которой осуществляется контроль над людьми, как правило, против их воли или интересов²¹. Манипуляция не просто включает в себя элемент власти, а особым способом подразумевает злоупотребление дискурсивной властью²². Именно поэтому в данном случае мы обращаемся к этой проблеме, поскольку манипуляция представляет собой одну из дискурсивных практик доминирующих групп, направленных на воспроизводство их власти в обществе²³.

В изучаемый нами период задачами уголовно-исполнительной пропаганды в профессиональной среде активно занимались ученые-пенитенциаристы, развивавшие идеи советской пенитенциарной политики в своих трудах. К таковым следует отнести М.Н. Гернета, М.М. Исаева, А.А. Пионтковского, Е.Г. Ширвиндта, Б.С. Утевского и др.

Кроме того, несмотря на имеющуюся законодательную базу, покрывавшую основные вопросы реализации советской исправительно-трудовой политики, некоторые положения не были достаточно явными или же вовсе не освещались в данных документах. Для выхода из подобных затруднений создавались специальные периодические издания, касающиеся юридической тематики и предназначенные для работников данной сферы, в частности журналы «Административный вестник», «Право и жизнь». К их числу необходимо отнести журнал «Еженедельник советской юстиции», являвшийся органом НКЮ РСФСР, анализ выпусков которого за 1922 и 1928 гг. под углом заявленной тематики произведен в данной статье.

Для анализа создаваемых образов трудового воздействия на преступников среди рядового населения были использованы номера газеты «Советская Сибирь», которая в 1922–1925 гг. являлась политическим печатным органом Сибревкома и Сиббюро РКП(б), а затем, в 1925–1930 гг., органом партийно-государственного руководства Сибирского края.

Выбор указанных лет объясняется процессами, протекавшими в это время в уголовно-исполнительной сфере. К 1922 г. пенитенциарная система республики освободилась от наследия Гражданской войны, что проявилось в ликвидации лагерей. Несмотря на то, что места заключения, подведомственные ВЧК (а впоследствии, после 1922 г., ОГПУ), сохранялись, основу уголовно-исполнительной системы составляли общие места заключения.

В Сибири же из-за Гражданской войны работа по построению исправительно-трудовой системы осуществлялась позже центральных территорий: 5 января 1920 г. в составе отдела юстиции Сибирского революционного комитета (Сибревком) развернул свою деятельность

¹⁶ Сокулер З.А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // Философия науки и техники. 1998. С. 177.

¹⁷ Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть... С. 27.

¹⁸ Там же. С. 22.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 271.

²¹ Там же. С. 255.

²² Там же.

²³ Там же. С. 258.

карательный подотдел, руководящий системой мест заключения²⁴. В частности, в Новониколаевске в этот период функционировали два вида пенитенциарных учреждений – концентрационный лагерь, подконтрольный ВЧК, и дом принудительных работ, подведомственный НКЮ РСФСР. На протяжении 1920 г. места заключения создавались и в других губернских центрах Сибири (Томская, Алтайская, Омская губернии и пр.), сложившись к 1922 г. в устойчивую региональную систему.

Вторая половина 1920-х гг. в пенитенциарной сфере характеризовалась ужесточением, связанным с возникновением идеи о более широком применении принудительного труда в различных его формах в 1927 г., а впоследствии и ее закреплением на законодательном уровне – издание постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 28.03.1928, которое, кроме того, содержало в себе момент усиления классового подхода в советской пенитенциарной политике²⁵.

Гипотезой исследования выступает предположение, что представление информации о труде в местах заключения зависит от вида издания, но не определяется исключительно им. Профессиональная периодическая печать, хоть и направленная в большей степени на объективное представление информации, обсуждение затруднений, возникающих в ходе реализации законодательно-нормативных актов, высказывание мнений, будет также выполнять функцию пропаганды «новой» уголовно-исполнительной политики, однако в более формальном варианте по сравнению с региональной прессой.

Также предполагается, что на пенитенциарный дискурс оказывали влияние доктринальные приоритеты каждого из периодов. Первый из них характеризовался существовавшей необходимостью пропаганды «новой» исправительно-трудовой политики с упором на ее преимущества по сравнению с дореволюционной и зарубежной практиками. Во второй период преобладающим станет императив ужесточения практик реализации пенитенциарной политики.

1922 г. был первым годом существования журнала «Еженедельник советской юстиции». И несмотря на то, что уже тогда в нем поднималось большое количество различных сюжетов, дискуссии по вопросам пенитенциарной политики не были представлены широко. В 47 просмотренных за этот год выпусках было выявлено 6 сообщений по пенитенциарной политике в 5 номерах. Позднее сообщения по данной тематике появлялись то чаще, то реже – в зависимости от насущности проблем уголовно-исполнительной политики. Так, за 1928 г. были просмотрены 52 номера, в 28 из которых были выявлены 43 упоминания пенитенциарной политики. Все сообщения тематически были поделены следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Отражение пенитенциарной политики
в журнале «Еженедельник советской юстиции» в 1922 и 1928 гг.

	1922	1928
Официальная часть	0 (0 %)	22 (51,16 %)
Литература по пенитенциарной политике	0 (0 %)	9 (20,93 %)
Публицистическая статья	5 (83,33 %)	12 (27,9 %)
Тезисы	1 (16,66 %)	0 (0 %)
Всего	6 (100 %)	43 (100 %)

Данные табл. 1 показывают, насколько была актуальна тематика пенитенциарной политики для деятелей юстиции в выбранные годы. Несмотря на то, что 1922 г. характеризовался важными для советской уголовно-исполнительной политики моментами, указанными выше, в профессиональной среде данный сюжет преимущественно обходили стороной.

²⁴ Разбирин Л.И. Очерки по истории уголовно-исполнительной системы Новосибирской области (1920–1960 гг.). Новосибирск, 2020. С. 13.

²⁵ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладом НКЮ и НКВД «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 14. С. 417–419.

Напротив, к 1928 г. вопросы пенитенциарной политики становятся более насущными в связи с юбилеем Октябрьской революции и проводимой в честь этого амнистии, и, соответственно, самой советской уголовно-исполнительной системы, в частности сюжет о принудительных работах. Именно из-за проведения масштабного освобождения заключенных большее количество сообщений приходится на рубрику «Официальная часть», где подробно рассматривались вопросы организации проводимой амнистии.

Среди всех этих сообщений были выделены те, в которых упоминалась тематика труда по выделенным в табл. 1 рубрикам (табл. 2).

Таблица 2

Отражение тематики труда в пенитенциарной сфере
в журнале «Еженедельник советской юстиции» в 1922 и 1928 гг.

	1922	1928
Официальная часть	0 (0 %)	7 (50 %)
Литература по пенитенциарной политике	0 (0 %)	0 (0 %)
Публицистическая статья	2 (100 %)	7 (50 %)
Тезисы	0 (0 %)	0 (0 %)
Всего	2 (100 %)	14 (100 %)
Процентное соотношение к общему количеству сообщений по пенитенциарной политике	33,33 %	32,55 %

Несмотря на разницу в количестве сообщений по пенитенциарной политике в целом в выбранные годы, тематика труда в обоих случаях являлась важной и занимала около трети от всех сообщений. В 1922 г. данная тема поднималась в рамках проблемы содержания мест заключения. На 5-м Всероссийском съезде заведующих отделами управления в сфере карательной политики был поднят вопрос возможности самообеспечения пенитенциарных учреждений. В одной из статей отмечалось, что в ближайшее время такой переход невозможен, поскольку подневольный труд менее интенсивный, чем свободный²⁶. Ввиду этого предпринимались меры по снижению расходов на содержание мест лишения свободы. Например, осуществлялись попытки более широкого использования принудительных работ без содержания под стражей, что, однако, негативно сказывалось на несудимом населении, поскольку между ними и заключенными возникала конкуренция²⁷.

В 1928 г. вопрос об использовании труда заключенных приобрел другой формат. Во-первых, началось масштабное обсуждение вопроса об организации самих принудительных работ и насколько она соответствует принципам исправительно-трудовой политики. Во-вторых, это связано с изданием постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 28 марта 1928 г., по которому утверждались три основных принципа принудительного труда: 1) бесплатность; 2) хозяйственная выгодность; 3) реальность репрессии²⁸. Помимо этого, в постановлении проводилась более жесткая классовая линия, выражавшаяся в необходимости применять жесткие меры репрессии в отношении классовых врагов, а также в ограничении для них льгот – зачет рабочих дней, предоставление отпусков и др.²⁹

Для анализа пенитенциарных дискурсивных практик в журнале «Еженедельник советской юстиции» выделим из общего массива сообщения с тональной оценкой (позитивной,

²⁶ Б. П. Об организации тюрем на началах самокупаемости (По поводу резолюции 5-го Всероссийского съезда заведывающих отделами управления по вопросу о карательной политике) // Еженедельник советской юстиции. М., 1922. № 14–15. С. 9.

²⁷ И. С. К вопросу о принудительных работах без содержания под стражей // Еженедельник советской юстиции. М., 1922. № 36. С. 13.

²⁸ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладам НКЮ и НКВД «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 14. С. 418.

²⁹ Там же. С. 417–418.

негативной, сообщения с обеими оценками), а также с нейтральной – сообщения, в которых отсутствовали оценочные суждения (табл. 3).

Таблица 3

Тональность сообщений по трудовому аспекту пенитенциарной политики в журнале «Еженедельник советской юстиции» в 1922 и 1928 гг.

Оценка сообщений	1922	1928
Позитивная	0 (0 %)	0 (0 %)
Негативная	0 (0 %)	4 (28,57 %)
Наличие обеих	1 (50 %)	2 (14,28 %)
Нейтральная	1 (50 %)	8 (57,14 %)
Всего	2 (100 %)	14 (100 %)

Представленные данные показывают, как за изучаемый период изменился характер представления информации о трудовом аспекте пенитенциарной политики. В обоих случаях преобладающими являются сообщения безоценочные, но в 1922 г. встречается также одно сообщение с обеими оценками. В 1928 г. данный «набор» расширяется в пользу присутствия сообщений еще и негативных, количество которых составляет практически треть от всех упоминаний.

В 1922 г. вопрос труда в пенитенциарной политике напрямую был связан с практикой его реализации, которая и оценивалась негативно из-за существующих проблем: невозможность организовать самокупаемость пенитенциарных учреждений, фикция наказания из-за невозможности обеспечить работой всех осужденных, конкуренция с несудимыми трудящимися. Однако важность самой идеи труда в уголовно-исполнительном деле от этих недостатков не перечеркивалась. Так, перечисляя трудности организации принудительных работ, автор одной из статей отмечает, что вместо того, чтобы «на зеркало пенять»³⁰, «лучше поработать над правильной организацией очень интересного и гуманного дела (принудительных работ. – Д. М.)»³¹.

Данные проблемы с организацией труда заключенных и осужденных на работы без содержания под стражей к 1928 г. только усугубились. Именно поэтому усилилась и негативная оценка данной меры исправления преступников. Авторами статей отмечалось, что существующие на тот момент времени принудительные работы являлись «либеральной дребеденью»³², «извращением и отступлением»³³ от основных принципов ИТК и т.д. Несмотря на указания существующих проблем и несоответствия проводимой практики имеющимся теоретическим воззрениям («принудительные работы... не являлись реальной мерой социальной защиты благодаря их полной неорганизованности»³⁴, «продолжение прежней политики в дальнейшем совершенно нетерпимо»³⁵, «в стране, где высшим законом является закон “не трудящийся, да не ест”, мы не можем иметь взрослых людей бездельничающих, поеда-

³⁰ К вопросу о принудительных работах без содержания под стражей // Еженедельник советской юстиции. М., 1922. № 36. С. 13.

³¹ Там же.

³² Файнблит С. Тюремный режим и досрочное освобождение (По материалам Центральной Распределительной Комиссии) // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 11. С. 326.

³³ Траскович Ф. Очередные задачи в области исправительно-трудовой политики // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 26. С. 733.

³⁴ Траскович Ф. Новый закон о принудительных работах и очередные задачи органов юстиции на местах // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 21. С. 620.

³⁵ Там же. С. 622.

ющих казенный хлеб»³⁶ и пр.), высказывались надежды на новый закон о принудительных работах, который даст гарантии, чтобы считать данную «меру социальной защиты... как действительно реальную меру репрессии»³⁷. Следует, однако, иметь в виду, что «Еженедельник советской юстиции» являлся органом НКЮ, традиционно критиковавшим пенитенциарную систему ГУМЗ НКВД РСФСР с позиций ее слабости и неэффективности.

В газете «Советская Сибирь» за 1922 г. были просмотрены 275 номеров газеты, в 75 из которых выявлено 90 упоминаний о состоянии уголовно-исполнительной системы. В 1928 г. в просмотренных 248 номерах количество сообщений возросло до 218. Все сообщения за оба года тематически были поделены следующим образом (табл. 4).

Таблица 4

Отражение пенитенциарной политики в газете «Советская Сибирь» в 1922 и 1928 гг.

	1922	1928
Амнистия	15 (16,66 %)	40 (18,34 %)
Внутренняя жизнь мест заключения	25 (27,77 %)	62 (28,44 %)
Дореволюционная пенитенциарная система	1 (1,11 %)	2 (0,91 %)
Зарубежная пенитенциарная система	35 (38,88 %)	92 (42,2 %)
Официальная часть	3 (3,33 %)	4 (1,83 %)
Отражение советской пенитенциарной системы в зарубежной прессе	2 (2,22 %)	2 (0,91 %)
Поддержка зарубежных заключенных	7 (7,77 %)	14 (6,42 %)
Реорганизация пенитенциарных органов	2 (2,22 %)	2 (0,91 %)
Всего	90 (100 %)	218 (100 %)

Приведенные данные свидетельствуют о том, что структура пропаганды исправительно-трудовой политики в сибирской газете за представленные годы в целом не изменилась. Доля сообщений в ней о зарубежной пенитенциарной системе в 1928 г. оставалась на таком же высоком уровне, как и в 1922 г., даже превосходя долю сведений, посвященных функционированию отечественных мест заключения. Подобное распределение сообщений показывает, что тема зарубежной уголовно-исполнительной системы была критически важна для советской власти, поскольку позволяла решить одновременно две задачи – дискредитировать пенитенциарные системы зарубежных стран и создать на их фоне образ более успешной, советской. Данное противопоставление иллюстрирует важность поддержания идеологического концепта «мы – они» на протяжении всех 1920-х гг.

Среди выявленных сообщений нами выделены те, в которых упоминалась тематика труда. Все публикации также распределены по рубрикам, обозначенным в табл. 4 (табл. 5).

Данные табл. 5 показывают, что тематика труда, несмотря на ее ключевое значение для самой советской пенитенциарной политики, не являлась приоритетной темой при освещении уголовно-исполнительной политики в газете «Советская Сибирь». Решающую роль, как отмечалось выше, носила рубрика «Зарубежная пенитенциарная система», в которой, соответственно, рассказывалось про условия жизни и труда заключенных за пределами Советского государства. Это также подтверждает установку, что создание образа пенитенциарной политики СССР строилось преимущественно на противопоставлении ее с «чуждыми» политиками, нежели на представлении ее достоинств в виде доктрины «исправления трудом».

³⁶ Очередные задачи в области работы административных органов (доклад Народн. Комиссара Внутр. Дел РСФСР г. Толмачева на II Всероссийск. Съезде административных работников (Окончание)) // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 22. С. 645.

³⁷ Траскович Ф. Новый закон о принудительных работах и очередные задачи органов юстиции на местах // Еженедельник советской юстиции. М., 1928. № 21. С. 621.

Таблица 5

Отражение тематики труда в пенитенциарной сфере
в газете «Советская Сибирь» в 1922 и 1928 гг.

	1922	1928
Амнистия	0 (0 %)	0 (0 %)
Внутренняя жизнь мест заключения	5 (71,42 %)	11 (78,57 %)
Дореволюционная пенитенциарная система	1 (14,28 %)	0 (0 %)
Зарубежная пенитенциарная система	0 (0 %)	0 (0 %)
Официальная часть	1 (14,28 %)	3 (21,42 %)
Отражение советской пенитенциарной системы в зарубежной прессе	0 (0 %)	0 (0 %)
Поддержка зарубежных заключенных	0 (0 %)	0 (0 %)
Реорганизация пенитенциарных органов	0 (0 %)	0 (0 %)
Всего	7 (100 %)	(100 %)
Процентное соотношение к общему количеству сообщений по пенитенциарной политике	7,77 %	5,96 %

Для анализа дискурсивных практик темы труда в уголовно-исполнительной политике выделим из общего массива сообщения с тональной оценкой (позитивной, негативной, сообщения с обеими оценками), а также с нейтральной – сообщения, в которых отсутствовали оценочные суждения (табл. 6).

Таблица 6

Тональность сообщений по трудовому аспекту пенитенциарной политики
в газете «Советская Сибирь» в 1922 и 1928 гг.

Оценка сообщений	1922	1928
Позитивная	3 (42,85 %)	0 (0 %)
Негативная	0 (0 %)	2 (15,38 %)
Наличие обеих	1 (14,28 %)	1 (7,69 %)
Нейтральная	3 (42,85 %)	10 (76,92 %)
Всего	7 (100 %)	13 (100 %)

В обоих случаях большую часть сообщений, связанных с трудом в пенитенциарной практике, составляли те, где констатировался сам факт трудовой деятельности без какой-либо его оценки. Необходимо отметить смену структуры полярных оценочных суждений (позитивные/негативные) за указанный период. Если в 1922 г. сообщения с тематикой труда носили исключительно позитивную оценку, то в 1928 г. ситуация представляется в точности наоборот. Для более детального анализа дискурсивных практик следует обратиться к конкретным случаям использования той или иной тональной оценки.

В 1922 г. позитивная тональная оценка работала на создание выгодного образа советской уголовно-исполнительной политики, освещая ее достижения. Ключевой темой выступало

исправление преступников путем привлечения их к трудовой деятельности. В подобных сообщениях акцент делался в первую очередь на трансформации ценностных установок у преступников, для которых труд становится не принудительным, а осознанным действием. До попадания в пенитенциарные учреждения некоторые заключенные никак не были связаны с трудовой деятельностью: «недавно мы не имели понятия об этом (о труде. – Д. М.)»³⁸, – приводятся слова одного из них. Сейчас же они не только участвуют в трудовом процессе («теперь можем сами работать самостоятельно, заработать честно себе на кусок хлеба»³⁹), но и «тяготятся»⁴⁰ при отсутствии работ.

В сообщении с обеими оценками проводилось противопоставление между позднеимперской и раннесоветской пенитенциарными политиками. Отмечалось, что в советских местах заключения, в отличие от дореволюционных, заключенным предоставлялись «широкие возможности, прежде всего умственного (культурного), а затем и физического развития...»⁴¹, а «значительная часть» прибывших заключенных приобрела профессию, в то время как с прибытием в место заключения у них «никаких способностей и специальностей в этих областях не было»⁴².

Если в 1922 г. негативные моменты трудовой деятельности заключенных или ее организации совсем не затрагивались, то в 1928 г. в печати начал появляться акцент на проявлениях неэффективной деятельности работников пенитенциарных органов в сфере организации труда заключенных. Так, при обследованиях сельскохозяйственного отдела Исправительно-трудового дома в Новосибирске отмечались «неопытность» и «халатность» сотрудников мест заключения, из-за которых погибло около 3 десятин разных культур⁴³. В других случаях критиковалась «безобразная бесхозяйственность» в рабочей части Тарского Исправительно-трудового дома, вследствие чего она оказалась убыточной⁴⁴.

Несмотря на отмеченные недостатки в работе пенитенциарных учреждений («сносно оборудованные» мастерские, отсутствие помещений, не позволяющее расширить работы⁴⁵), утверждалось, что процесс исправления преступников осуществлялся: заключенные, по выражению корреспондента, выражали готовность «вступить на путь честной трудовой жизни»⁴⁶. В данном случае мы видим, что пропаганда продолжала демонстрировать благотворность влияния труда на личность заключенных, но одновременно с этим указывались условия, тормозившие воплощение данной доктрины на практике.

Исследование проблематики труда как важнейшей части пенитенциарной политики в раннесоветской печати позволяет сделать следующие выводы. Газета «Советская Сибирь», не специализируясь на освещении вопросов юстиции, в том числе касающихся пенитенциарной политики, однако четко обозначала и пропагандировала ее приоритеты. «Еженедельник советской юстиции» в большей степени был ориентирован на обсуждение пенитенциарной тематики, нежели ее идеолого-пропагандистского обеспечения. В юридическом издании оценочные суждения оказывались более жесткими, конкретно указывающими на недостатки реализации принципа трудового исправления преступников, на просчеты в исправительно-трудовом деле. При этом оба органа не ставили под сомнение саму доктрину.

В целом отражение трудового аспекта в обоих изданиях, несмотря на их различия, проходило в рамках одних тенденций. Представление идеи трудового воздействия на преступников с целью их исправления, подававшейся как прогрессивной и отличающей советскую пенитенциарную политику от «иных», позднеимперской и зарубежных, претерпело свою трансформацию в период с 1922 по 1928 г. Первоначально доктринальная идея подава-

³⁸ Химическая мастерская «Ито» // Советская Сибирь. Новониколаевск, 06.07.1922. № 148. С. 4.

³⁹ Химическая мастерская «Ито»... С. 4.

⁴⁰ Исправительно-трудовой дом // Советская Сибирь. Новониколаевск, 14.11.1922. № 257. С. 3.

⁴¹ Прежде и теперь // Советская Сибирь. Новониколаевск, 13.04.1922. № 82. С. 4.

⁴² Там же.

⁴³ Отклики на заметки // Советская Сибирь. Новосибирск, 28.11.1928. № 276. С. 4.

⁴⁴ Хозяйственники Тарского округа работают «На-ура» // Советская Сибирь. Новосибирск, 21.07.1928. № 168. С. 3.

⁴⁵ Как живут заключенные // Советская Сибирь. Новосибирск, 19.06.1928. № 140. С. 3.

⁴⁶ Там же.

лась как преимущество советской уголовно-исполнительной системы через противопоставление другим пенитенциарным системам. Затем через несколько лет стало очевидно, что данный принцип не оправдывал возложенных на него надежд в ходе его практической реализации, вследствие чего в прессе началось критическое его освещение. Но если газета «Советская Сибирь» ограничивалась направленностью критики, поддерживая образ правильности идеи советской пенитенциарной политики для советского социума, то в журнале «Еженедельник советской юстиции», созданном в первую очередь для обсуждения актуальных вопросов юридической практики, критика пришлась в «самое сердце» уголовно-исполнительной политики – реализуемость принципа трудового перевоспитания преступников. Отметим, однако, что критичность издания Наркомата юстиции следует рассматривать в контексте его межведомственной борьбы с Наркоматом внутренних дел вокруг вопроса о руководстве местами заключения. Сам же по себе доктринальный принцип «перековки трудом» заключенных прошел через всю советскую эпоху.

Литература

- Автономова Н.С. *Философский язык Жака Деррида*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 510 с.
- Барт Р. *S/Z* / пер. с фр.; под ред. Г.К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
- Барт Р. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика* / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Бердинских В.А., Веремьев В.И. *Краткая история ГУЛАГа*. М., 2018. 440 с.
- ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918–1960 [Электронный ресурс] / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2000. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 28.11.2022).
- Ширвиндт Е., Утевский Б. *Советское пенитенциарное право*. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. 276 с.
- Киселев И.Я. *Трудовое право России. Историко-правовое исследование: учеб. пособие*. М.: НОРМА, 2001. 384 с.
- Красильников С.А. *Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе* // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 4. С. 1027–1046.
- Разбиринна Л.И. *Очерки по истории уголовно-исполнительной системы Новосибирской области (1920–1960 гг.)*. Новосибирск: НГУЭУ, 2020. 183 с.
- Сокулер З.А. *Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко* // *Философия науки и техники*. 1998. С. 174–182.
- Тён А. ван Дейк. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации* / пер. с англ. М.: Либроком, 2013. 344 с.
- Упоров И.В. *Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития* [Электронный ресурс]. СПб., 2004. URL: <https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/penitentsiarnaya-politika-rossii-xviii.html> (дата обращения: 28.11.2022).
- Утевский Б.С. *Как советская власть исправляет преступников*. М.: Издательство народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1930. 67 с.

References

- Avtonomova, N.S. (2011). *Filosofskiy yazyk Zhaka Derrida* [The Jacques Derrida's Philosophical Language]. Moscow, Encyclopedia Publishers (ROSSPEN). 510 p.
- Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, Progress. 616 p.
- Bart R. (2001). *S/Z [S/Z]*. Moscow, Editorial URSS. 232 p.
- Berdinskikh, V.A., Verem'ev, V.I. (2018). *Kratkaya istoriya GULAGa* [The Brief History of GULAG]. Moscow. 440 p.
- Dijk, Teun A. van (2013). *Diskurs i vlast': Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i komunikatsii* [Discourse and Power: Representation of the Dominance in Language and Communication]. Moscow, Librokom. 344 p.

Kiselev, I.Ya. (2001). *Trudovoe pravo Rossii. Istoriko-pravovoe issledovanie* [The Russian Labor Law. The Historical and Legal Research]. Moscow, NORMA. 384 p.

Krasilnikov, S. (2017). *Mezhdru pravom i nakazaniem: trud v rannesovetskom obshchestve* [Between Rights and Punishment: Labour in the Early Years of Soviet Society]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, No. 4, pp. 1027–1046.

Razbirina, L.I. (2020). *Ocherki po istorii ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Novosibirskoy oblasti (1920–1960 gg.)* [Essays on the History of Penal System of Novosibirsk Oblast' (1920–1960)]. Novosibirsk, NSUEM. 183 p.

Shirvindt, E., Utevskiy B. (1927). *Sovetskoe penitentsiarnoe pravo* [The Soviet Penal Law]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYU RSFSR. 276 p.

Sokuler, Z. (1998). Metodologiya gumanitarnogo poznaniya i kontsepsiya “vlasti-znaniya” Mishelya Fuko [The Methodology of Humanitarian Knowledge and the Michel Foucault's Concept of Power and Knowledge]. In *Filosofiya nauki i tekhniki*. Pp. 174–182.

Uporov, I.V. (2004). *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. Istoriko-pravovoy analiz tendentsiy razvitiya* [The Russian Penal Policy in XVIII–XX Centuries. The Historical and Legal Analysis of Development Trends]. St. Petersburg. Available at: URL: <https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/penitentsiarnaya-politika-rossii-xviii.html> (date of access 28.11.2022).

Utevskiy, B.S. (1930). *Kak sovetskaya vlast' ispravlyayet prestupnikov* [How the Soviet Authorities Correct Criminals]. Moscow, Izdatel'stvo narodnogo komissariata vnutrennikh del RSFSR. 67 p.

Yakovlev, A.N. (Ed.). (2000). *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerey. 1918–1960* [GULAG: The Main Department of the Camps. 1918–1960]. Comp. by A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Moscow, MFD. Available at: URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (date of access 28.11.2022).